

Екатерина Козина

ХИМЕРЫ

ИЗГНАННЫЕ

16+

Козина Екатерина Химеры. Изгнанные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45029301

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-03432-7

Аннотация

Мы не похожи на обычных людей, поэтому нас отлавливают. Кошачьи уши, львиные хвосты, кожа как у ящериц, птичьи перья или клювы – это части нас. Большинство еще дети. Мы просто хотим жить, но почему нам приходится расплачиваться за то, что когда-то с собой делали наши предки? И можно ли спрятаться от Отлова, выдав себя за обычную школьницу? И что делать, если тебе шестнадцать, в крови бурлят гормоны, твоей главной целью является выживание, а ты влюбилась в того, кто тебя ненавидит?

Содержание

1 глава. Стая	4
2 глава. Ловцы	25
3 глава. Пристанище	42
4 глава. Школьница	60
5 глава. Досмотры	84
6 глава. Подстава	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Козина Екатерина

Химеры. Изгнанные

1 глава. Стая

Страх. Это единственное, что сейчас сдерживает меня и остальных шестерых. Нам нельзя высовываться из-под моста, как бы холодно ни было, как бы сильно ни стучали наши зубы. Мы жмемся друг к другу, стараясь получить хоть толику тепла, но, кажется, промерзли насквозь. Шум от реки, по которой медленно плывут льдины, перекрывает наше громкое испуганное дыхание. Вот только от воды веет еще большим холодом.

Я ненавижу зимы. Но еще больше я ненавижу Ловцов. Эти твари несколько минут назад на наших глазах застрелили Хелла и Крису, даже не проверив их прибором, хотя того требовал закон. А ведь ни Хелл, ни Крис не входили в разряд «Опасные». Они только выглядели страшно. Знаете, что мог сделать Хелл – четырнадцатилетний нескладный парень с чешуей вместо кожи – с Ловцами? Ничего! Абсолютно ничего!

Мои руки сжимаются в кулаки и черные когти вместо ног-

тей, вбиваются в кожу на ладонях, оставляя неглубокие, но кровоточащие порезы, которые бесследно заживут уже через полчаса. Плакать нельзя. Слезы – роскошь, которую мы можем позволить себе только в самые спокойные дни, чтобы оплакать всех погибших.

Я старательно прислушиваюсь к звукам. Мохнатыми ли-сьими ушами под шапкой шевелить тяжело, но возможно. Наверху всего лишь проезжают машины. Никаких голосов. Перехватываю взгляд нашего вожака – Ирвина. Ему скоро стукнет восемнадцать. Он старший среди нас, хотя между мной и Ирвином довольно маленькая разница в какой-то год. И благодаря чертовому вмешательству в человеческую гене-тику, Ирвин обладает волчьим хвостом, клыками и огром-ной силой. Вожак принадлежит к разряду «опасные». Сейчас по его взгляду я могу сказать, что он тоже ничего страшного не слышит.

Колин и Мика – тринадцатилетние брат с сестрой – жмут-ся друг к дружке и даже не ссорятся, хотя раньше это было их любимое занятие. Они не могли и часа продержаться, чтобы не повздорить. Сейчас их объединил страх, но я знаю, это ненадолго. И приглядевшись, я понимаю, что их пятнистые хвосты уже бесшумно сражаются друг с другом, хотя на ли-цах ребят застыла все та же маска ужаса.

– Они ушли? – испуганно спрашивает десятилетняя Бьянка, вытирая мохнатым кулачком намокшие от слез ресницы. Ее розовый носик смешно шмыгает, а кошачьи усики подрагивают при каждом выдохе. Девочка больше чем наполовину котенок. Почти все ее тело, кроме лица, покрывает рыжая шерстка.

– Думаю, что да, – говорю я едва слышно, и обнимаю девочку, словно пытаюсь защитить ее от всего этого ужасного мира.

Я понятия не имею как мир, который каких-то сто лет назад призывал людей становиться похожими на животных, иметь уникальные кошачьи ушки или хвосты, усы или змеиные глаза, изменился до такой степени. Из-за операций спустя несколько поколений начали рождаться дети-химеры. У одних появлялись перья, у других уши, как у зверей, а третьи могли дышать с помощью жабр под водой. Множество модификаций получилось благодаря прошлым опытам. Но на сей раз никто этому не радовался.

– Мой ребенок – урод! – вопили напуганные мамочки под дверями клиник, но те давно закрылись, выяснив, к чему привели все эти вмешательства в ДНК человека.

Таких, как мы, окрестили химерами. Детей, от кото-

рых отказывались родители стали отправлять в специальные приюты, спрятанные от людских глаз.

Чтобы скрыть это от других стран, наша Империя Пури-симум закрыла границы. Я уверена, люди вне империи даже не представляют, что творится в этом аду.

Вскоре в приютах стало слишком много химер. Финансирование становилось все меньше, условия все хуже. Нас всех заставляли трудиться по двенадцать часов. Мы шили одежду, работали на заводах, следили за полями, на которых росли овощи и фрукты. Выполняли ту работу, которую отказывались делать обычные люди.

На то, что большинству из нас нет и пятнадцати лет, всем было плевать.

– Вы отбросы, нелюди, – твердили нам воспитательницы, наливая половник почти пустого супа. – Вы должны быть благодарны, что государство заботится о вас.

Тех, у кого были дополнительные способности вроде огромной физической силы, быстрой реакции или острого слуха, использовали больше других.

Мы никогда не болели. Два или три года назад весь город охватил страшный грипп, а химеры продолжали рабо-

тать. Раны заживали на нас быстрее. Но многие химеры погибли от истощения.

Были те, кто решился бежать. У них была голубая мечта – пересечь границу и рассказать людям на той стороне, что происходит в Империи. Я не верила в сказки, что в других странах жизнь лучше. Но когда воспитательницы заболели, а надзор за нами упал до минимума, я сбежала из приюта, решив, что на улице выжить будет проще.

Отлов Химер учредили уже давно – они должны были находить брошенных детей и отправлять в приюты, но в скором времени у Ловцов появилась еще одна функция – уничтожение.

Химер поделили на «опасных» и «неопасных». Первые считались более агрессивными и представляющими для людей угрозу. Их даже отбирали у родителей, которые не хотели отказываться от своих детей.

Любой «Опасный» человек, найденный на улице, после проверки Прибором мог быть застрелен при сопротивлении или отправлен в специальную колонию, где с ним будут обращаться хуже, чем с животными в зоопарках.

Вот только в последнее время Ловцы плюют на закон. Они

убивают всех, кто хоть немного кажется им опасным. Так произошло с Хеллом и Крисом.

– Вы не очень замерзли? – обращаюсь я к ребятам. Виктор качает головой и щелкает птичьим клювом. Он не умет говорить, хотя мы пытались его научить. Мальчик только щебечет на птичьем, раздражаясь, что его никто не понимает.

Никто из нас не знает, сколько на самом деле лет Виктору. Мы нашли его совсем недавно, около трех или четырех недель назад. Худой маленький паренек прятался за мусорным баком. Мальчишка был весь грязный растрепанный и отчетливо напоминал напуганного воробья.

Я рада, что мне повезло больше, чем ему. Я ведь почти похожа на человека, если прикрыть ушки волосами, а когти тщательно подпилить. Именно поэтому меня чаще других отправляют в город за пропитанием.

Обычно мы прячемся на самой окраине в старом сарае, но сегодня наше укрытие было обнаружено, и теперь туда нельзя возвращаться.

– Мэл, – окликает меня Ирма и зябко ежится. Она моя ровесница и лучшая подруга. – Ты бери Бьянку и Виктора, а я уж, так и быть, близнецов.

Я крепко беру ребят за руки и снова готовлюсь бежать.

Сейчас я даже не представляю, где провести ночь. Мы на окраине города, но в лес уйти не можем. Зимой там не выжить. В сараях, что стоят у полей, не спрячешься. Именно там нас теперь и будут искать.

Где скрываются остальные химеры? Есть ли еще такие же группы, как наши? Или ребята все бродят поодиночке, в надежде, что их не увидят?

– Идем, – приказывает Ирвин, высунувшись из-под моста.

Медленно движемся вслед за вожакom и настороженно оглядываемся.

– Мы могли бы украсть палатку из спортивного магазина и заночевать в лесу, – предлагает Ирма.

– Как только выяснится, что украдена палатка, нас тут же начнут искать именно в лесу, – фыркает Мика презрительно. Она постоянно считает себя умнее других, чем нас и раздражает.

Мы крадемся по берегу реки, старательно нагибаясь, что-

бы лысые кусты хоть немного, но скрывали нас от проезжающих мимо машин. В темноте водители вряд ли разберут, что здесь кто-то прячется.

Через какое-то время река скрывается в трубе.

– Что дальше? – выдыхает Ирма.

Ловцы загнали нас в район, где мы еще не были. Не знаю, можно ли тут найти хоть какое-нибудь убежище, или нет.

За рекой лес. Там нам делать нечего. Через шоссе начнутся дома. Серые пятиэтажки, похожие на картонные коробки, в которых прорезали дырочки-окна.

– Есть идея! – говорю я негромко. – Очень надеюсь, что повезет.

– Ты одна? – Ирвин знает, что я сейчас пойду на разведку. Киваю. Помощники в этом деле мне не нужны.

Натягиваю шапку посильнее, чтобы под ней не топорщились ушки, надеваю на озябшие руки перчатки, скрывая уже отросшие коготки.

– Ждите вон в тех кустах, я скоро.

– Удачи, Мэл, – желают мне все ребята наперебой. Даже Виктор что-то пытается сказать, но получается только птичий хрип.

Я киваю и, подгадав момент, когда машин будет меньше всего, резво перебегаю дорогу. Издалека мне кто-то сигналит одним гудком, но это скорее формально, чтобы попугать.

Сейчас около полуночи, большинство людей уже спят либо собираются ложиться, но я очень надеюсь, что мне повезет и кто-нибудь откроет дверь.

Сначала проверяю все подъезды. Может входной замок где-нибудь сломан, но все, к моему великому сожалению, работают исправно.

Во двор заезжает машина, я стремительно прыгаю в палисадник и стараюсь стать незаметной в темноте деревьев и кустов. Человек паркует машину и быстрым шагом движется к тому подъезду, около которого я и притаилась. Неужели Фортуна сегодня на моей стороне?

Он набирает четырехзначный код. Мне приходится хорошенько напрячь зрение, чтобы разглядеть нужную последовательность.

Мужчина заходит, а я уже через несколько секунд нажимаю нужные кнопки. Домофон радостно тирлинькает и впускает меня внутрь. Здесь душно и пахнет сыростью, лампочки на этажах горят тускло, словно экономят свои силы, зная, что их быстро не заменят. А еще воняет мочой, кошками и старыми вещами. Я морщу нос, но здесь хотя бы тепло, а это то, что нам нужно. Грех жаловаться. Посмотрим, есть ли доступ на чердак.

Быстро взбираюсь на пятый этаж, переступая через ступеньки, толкаю люк, ведущий на чердак, и едва не визжу от радости, когда он поддается.

Лихо забираюсь по лесенке и прикрываю за собой проход, чтобы никто не заметил незваного гостя в своем доме.

Делаю глубокий вдох и тут же дико жалею об этом.

Меня начинает тошнить.

Смрад, который стоит на чердаке не передать ничем. Пахнет гнилью и птичьими отходами. Стараюсь дышать через рот, чтобы немного унять подступившую к горлу тошноту, но это не спасает, и меня выворачивает наизнанку у самого входа.

На ощупь нахожу в рюкзаке фонарик и включаю его.

Лучше бы я этого не делала, меня выворачивает еще раз.

Трупы голубей, изъеденные мухами и какими-то червями, копошались во внутренностях. Все балки и пол покрывает белый налет отходов. Мышиные фекалии валяются везде, как и их окоченевшие трупики.

От запахов у меня все плывет перед глазами. Надо выбираться отсюда. Лучше мы действительно украдем палатку и переночуем в лесу, или вообще спать не будем. Это лучше, чем провести ночь здесь.

Я делаю шаг вперед, чтобы немного осмотреться и принять правильное решение. Под носком кроссовка хрустят косточки скелетов.

Луч от фонаря вдруг выхватывает какое-то движение около дальней стены. Вздрагиваю, но не пугаюсь, скорее всего, это кто-то из наших. Химера.

Сжимаю сильнее в руке фонарь, сглатываю ком в горле и медленно подхожу ближе.

– Эй, – зову я шепотом. – Я своя. Я не сделаю тебе ничего плохого. Покажись.

Никто не откликается, но до меня долетает шум дыхания. Кто-то на чердаке точно есть.

Делаю еще шаг и направляю свет за старые коробки, наваленные здесь несколько десятков лет назад. То, что я сначала приняла за большую грудку грязных тряпок, вдруг, встрепетавшись, подскакивает и набрасывается на меня.

Я падаю на спину и выпускаю из рук фонарь. Он откатывается в сторону, но не выключается, чему я очень благодарна. Девочка-химера, грязная, отвратительно пахнущая, с сальными патлами, скалится прямо мне в лицо. Но не рычит. Она делает все безмолвно, чтобы не побеспокоить жильцов.

Мне понятно, что здесь все решится исключительно силой, поэтому выпускаю клыки и утробно рычу, демонстрируя свое превосходство. Затем бью девчонку рукой в живот и отталкиваю, так что она сваливается на загаженный пол.

Наверное, мы издавали слишком много шума, потому что через минуту открывается люк. И дрожащий огонек свечи озаряет пространство.

Я прячусь за коробки, предоставляя девчонке разбираться самой. Искренне радуюсь, что успела схватить с пола фонарь и выключить его. Иначе меня обязательно бы заметили.

– Химя, ты чего расшумелась? – восьмидесятилетняя старушка, побряхтывая, забирается на чердак. – Я тебе сколько говорила, чтобы ты вела себя тихо? Плохая девочка! Принесу в следующий раз только кошачью еду. А то супчиком ее кормлю, кашку приношу, а она хочет, чтобы весь дом узнал.

Старушка наигранно злится. Девчонка-химера на четвереньках подходит к женщине и трется об ноги. Чисто кошка. Меня даже передергивает. Она ведь человек, а ведет себя как дворовый кот.

Я слышала истории о таких. Некоторые химеры, выкинутые на улицы и не попавшие в приюты, частенько воспитывались в стаях животных.

Старушка ставит миску с едой, гладит девочку по голове, снова дает наставления и уходит, прикрывая за собой люк. Меня она не заметила.

Нет, здесь оставаться нельзя.

Химера косится на меня злобно, но подходить не решает-

ся. Она знает, что я сильнее. Встаю и иду к люку, придется поискать что-то менее зловонное. Да и нельзя мешать другим выживать, пускай они и ведут себя как звери.

Быстрым шагом двигаюсь к выходу. Девочка крадется следом. У самого люка оборачиваюсь и вижу, что она собирается вновь броситься на меня. Грозно рычу в ответ, и та испуганно шарахается в сторону. Нечего ей огрызаться на меня.

Я не хочу больше соваться на чердаки, там, скорее всего, меня ждет такая же вонь и разложившиеся трупы птиц.

Незамеченной выскальзываю из дома в темноту и подхожу к подвалу. Оттуда тянет теплом, а еще из щелей двери пробивается свет. Наверное, уже кем-то занято. Но я все равно проверяю наудачу.

Толкаю дверь. Та легко поддается. Внутри действительно тепло. Куча труб, какие-то вонючие тряпки, но запах не настолько противный, как на чердаке.

– Э! – окликает меня недовольный голос. – Это наше место, пошла отсюда.

В нескольких метрах от меня оказывается бородатый мужик в потрепанной куртке, от него несет спиртным и невы-

тым телом.

– Эй, она же из этих! – заметив мои все еще выступающие после схватки с девчонкой-химерой клыки, выкрикивает пьяная женщина, лежащая на грязном матрасе около батареи.

Мне приходится реагировать молниеносно. Выскакиваю в морозную ночь и прытью несусь как можно дальше из этого района. Здесь нам ничего не светит.

Уже середина ночи и мороз стал еще сильнее. Нос тут же замерзает, а воздух с трудом протискивается в легкие. Остановливаясь у дерева, чтобы немного отдышаться, и прислоняюсь к нему спиной.

Сердце учащенно бьется, дыхание все еще резкое и глубокое.

Пока я прихожу в себя, пытаюсь вспомнить, когда же моя жизнь пошла под откос. И понимаю, что с самого рождения.

Закон о том, что всех детей-химер необходимо отдавать в специальные приюты наступил не сразу. Родители имели полное право оставить "неопасного" ребенка у себя, но их

предупреждали, что жизнь после этого не будет легкой.

Большинство отказывались от новорожденных уродцев. Оставляли в роддоме и уходили, стараясь больше не оборачиваться. Наверное, их уговаривали это сделать врачи. По крайней мере, хочется так думать.

Мне, наверное, повезло. Я прожила в семье целых четыре года. Мама меня, вроде, даже любила. По ночам иногда мне снится ее лицо и запах.

Они пытались меня растить как обычного человека. Но я была другой.

Нет, родители меня не бросили. Это была авария. Обычная глупая авария. Мы ехали в соседний город к родственникам ночью, и водитель другой машины заснул за рулем.

Я мало что помню из самого происшествия. Наверное, я даже не успела испугаться, когда треснули стекла и обрушились в салон, двери машины смяло, а нас опрокинуло набок. Родители погибли. А я выжила. Потому что я другая, не человек.

Никто из родственников не захотел забрать меня к себе. И так я оказалась в этом ужасном приюте.

О нем я даже не хочу вспоминать.

В тринадцать лет я сбежала. Набила рюкзак вещами, из столовой стащила несколько банок консервов, вилку, ложку и нож, набрала две бутылки воды и других вещей по мелочи.

Ушла рано утром, когда темная ночь сменилась легкими розовыми сумерками, предшествующими восходящему солнцу.

– Ты пойдешь? – спрашивала я почти у всех, кому могла доверять.

– Тебя поймают и убьют, – отвечали мне соседки по комнате и жались друг к другу.

И тогда я махнула на них рукой. Открыла окно на первом этаже и юркой ящеркой просочилась на улицу.

Восстановив силы, я собираюсь возвращаться к нашей стае, но краем уха слышу вой сирены. Ловцы. Чаще они ездят тихо, чтобы поймать больше химер, но эти, видимо, из тех, что пытаются предупредить о своем приезде. Я люблю этих парней. Они дают нам шанс спастись от приютов и

смертельных пуль. Но если ты не внял предупреждению – пеняй на себя.

Неужели их вызвали бомжи из подвала?

Мне очень не хочется попадаться, но я подкрадываюсь как можно ближе, чтобы увидеть – они приехали не за мной.

Прячусь в палисаднике соседнего дома и вижу, как из подъезда в наморднике и наручниках выводят мою знакомую девочку-химеру. Сердце опускается в пятки, а горло сжимают незримые ручонки. Я едва могу дышать.

– Нет! Стойте! Не забирайте ее! – бабушка, которая подкармливала Химю, выбегает в одном халате и тапочках на мороз. – Отдайте ее мне!

Ее волосы растрепаны, а от движения головой бигуди раскручиваются и падают на ступеньки с глухим звуком: тук-тук.

– На каком основании вы ее забираете?! – старушка хватает одного из Ловцов за рукав, и смотрит умоляюще ему в глаза. – Она же никому не причинила вреда. Она не опасна.

– Женщина, – второй Ловец обхватывает старушку за пле-

чи. – Поступила жалоба, что кто-то пробрался на чердак. Мы проверили и обнаружили там совершенно дикую химеру, которая и говорить-то толком не умеет. Если бы не сканер, который показал, что инородная ДНК составляет в ней всего лишь двадцать процентов, и большой опасности химера не представляет, мы застрелили бы эту девочку на месте. Она агрессивна. А сейчас химера отправляется в приют, где ее оденут нормально, вымоют и накормят.

– Химя, прости меня старую, – голос старушки срывается в тихий плач.

Мужчины заталкивают девочку в кузов машины и закрывают двери на засов.

– Вас проводить до квартиры? – участливо предлагает молодой из Ловцов. Бабушка отрицательно качает головой.

– Эта девочка является вашей родственницей? – доставая папку с протоколами, интересуется старший. Женщина опять качает головой и вдруг падает в обморок.

Мужчина вовремя подхватывает ее и пытается привести в чувство, но женщине явно плохо.

– Скорую. Ватная, двадцать. Старушка. Откуда я знаю ее

возраст. Срочно. Она в халате, возможно обморожение, – бросает напуганный Ловец в рацию.

Скорая помощь приезжает через несколько минут. Они забирают женщину и быстро укатывают куда-то в ночь. Вой сирены еще долго разносится над холодными домами. А в кузове Отлова бьется Химя. Глухие сильные удары один за другим обрушиваются на стены с внутренней стороны автомобиля.

В окнах появляются заинтересованные лица жильцов.

– Эй, поспокойнее, не на расстрел везем, – хлопает по двери старший мужчина.

Они собираются уезжать, но сначала достают сигареты. Вонючий дымок тонкой струйкой тянется к звездному ледяному небу.

– Странно это, – облокотившись на капот выдыхает молодой Ловец.

– Да они часто так падают, еще привыкнешь.

– Я не про старушку. С ней все ясно. Химера не та. Женщина, что звонила, по описанию видела явно другую девушку.

Старший выдыхает клубы дыма и потягивается.

– И хорошо, что не та. Надеюсь, что у той хватило ума убраться отсюда подальше, когда мы включили сирены.

Они бросают окурки в грязный снег и уезжают. Вновь тихий двор, а о том, что здесь только что кто-то был, свидетельствуют следы от шин в снежной грязи, пара окурков и три штучки бигуди на ступеньках.

2 глава. Ловцы

Выжидаю еще несколько минут, прежде чем двинуться обратно к своей стае. Чувствую себя отвратительно. Это из-за меня поймали ту химеру. Если бы мне не взбрело в голову переночевать на чердаке, девушка могла продолжать спокойную сытую жизнь. Кто знает, что ее ждет там?

Хотя я могу предположить. Ее поместят в одиночную камеру, направят к ней психологов, будут пытаться научить говорить и вести себя по-человечески. А когда это не получится, пристрелят.

Перед глазами даже встает живая картинка. Девчонка, сидящая в углу, испуганно по-звериному косящаяся на вошедшего мужчину. Громкий выстрел. Бездольное тело оседает на пол.

Стараюсь отогнать эти мысли. Надо сейчас думать о себе и ребятах, которые мерзнут у реки.

Вновь перебегаю уже пустую дорогу и пытаюсь найти свою стаю. Но никого не вижу. Их нет в тех кустах, и вокруг гнетущая тишина.

Страх обвивает горло, не давая нормально дышать. Холодный влажный речной воздух закрадывается под курточку и заставляет трястись от мороза, хотя еще несколько минут назад мне было жарко.

Темно. До ушей доносится только шум воды. Запах тины и сырости щекочет ноздри.

– Ребята? – тихо зову я. У них слух хороший, кто-нибудь должен меня заметить.

Но даже через пять минут ко мне никто не выходит. Неужели те Ловцы забрали и их? Нет, не может этого быть.

– Ирвин? Ирма? Близнецы? – на меня накатывает панический ужас. Неужели я осталась одна? Что с ними сделали?

Слезы уже начинают щипать глаза. Я смахиваю с ресниц капельки и быстрым шагом иду в сторону моста, где мы скрывались до того.

Впереди брезжит какой-то огонек. Сердце начинает биться быстро-быстро, я срываюсь и бегу, забыв напрочь об осторожности.

Это костер. Прямо под мостом.

«Нет, они не могли так замерзнуть, чтобы рисковать всем!» – пытаюсь я убедить сама себя, но в действительности все оказывается именно так.

Ребята сидят вокруг небольшого костерка и тянут к нему руки. Мне хочется настучать им всем по голове за неоправданный риск, но я так рада, что Отлов не добрался до них, что кидаюсь обнимать близнецов.

– Боже мой, Мэл! Мы думали, что ты уже не вернешься! – Ирвин радостно приветствует меня.

– Тебя где так долго носило? Мы слышали звуки сирены! Это были Ловцы! Ты смогла от них сбежать? – Ирма накидывается на меня с горой вопросов.

И мне приходится рассказать все, что со мной успело стрястись за эти полтора часа.

– Ты не виновата, – пытается приободрить меня Ирма, но Мика ее перебивает.

– Косвенно виновата, но это ничего. Та девчонка же как зверь себя вела.

– Ну, спасибо, Мика, – выдыхаю я. А потом требую, чтобы они затушили немедленно костер. – Если тут был Отлов, какого черта вы огонь разожгли?

Бьянка начинает хныкать, что ей стало очень холодно, и она попросила десять минуток погреться. Я понимаю, что ночевать нам по-прежнему негде, и что этот костерок единственный источник тепла, который выделен нам на ночь.

– Давайте еще полчаса посидим и затушим, – сдаюсь я.

Мы достаем по кусочку хлеба и ужинаем, запивая холодной водой. Какая-никакая, но еда.

Вдруг Ирвин настораживается. Я смотрю на него, приподнимая брови в немом вопросе. Ирвин прикладывает палец к губам.

Старательно прислушиваюсь. Шаги. Тихие, крадущиеся. Неужели попались?

Первым вскрикивает Ирвин, в которого попадает дротик с транквилизатором. Его яркое оперение я замечаю даже в темноте.

– Бегите, – рычит он, уже заваливаясь набок.

Подскакиваю на ноги, хватаю за руку Бьянку и Виктора.

– Ирма за тобой близнецы, – кричу я на ходу и тащу напуганных ребят вперед, тем путем, каким мы уходили к трубе.

Я знаю, мы легкая мишень, но не могу перестать надеяться на лучшее. Толкаю ребят то в одну, то в другую сторону, стараясь менять траекторию.

Чувствую удар в спину, где-то между лопаток, но, видимо, дротик не пробивает куртку насквозь. Еще можем оторваться.

Вытягиваю малышей на дорогу, и мы перебегаем пустую улицу. Прыжок в канаву – ноги утопают в снегу, что-то чавкает под пробитой тонкой коркой льда.

– Мэл, у меня ботинки промокли, – жалуется Бьянка.

– Потерпи, надо бежать, – шепчу я ей и изо всех сил тащу девочку и Виктора вперед, к деревьям, что в палисаднике.

На самом деле здесь вряд ли можно укрыться.

Впереди показывается силуэт, а затем дротик врезается в ствол рядом с моей головой. Охаю.

Рука Виктора вдруг слабеет. Я не успеваю его поддержать, как мальчик падает навзничь.

– Виктор! – хнычет Бьянка. – Они его убили?

– Нет, он просто спит.

Мы не можем его взять с собой, но девочка этого не понимает, она опускается на колени и пытается растормошить парня.

– Бьянка, надо бежать, – говорю я ей и тяну за руку, но девочка хнычет и не встает.

А потом затылок начинает почему-то жечь. Я вскидываю руку к голове и нащупываю мягкое оперение дротика.

– Черт, – только и успеваю ругнуться.

Перед глазами все плывет, я пытаюсь ухватиться за дерево, чтобы не упасть, но промахиваюсь. Шум в ушах нарастает, почти ничего не слышу, только плач девочки рядом со мной, но он уже кажется слишком далеким.

Я понимаю, что лежу на снегу, когда правая щека сильно замерзает, но пошевелиться не могу.

– Б...е...ги, – выдавливаю едва слышно, обращаясь к Бьянке, но уже не вижу, успела она хотя бы подняться на ноги к тому моменту, как пришли Ловцы.

Голова гудит, и ужасно хочется пить. Почему-то болит затылок, а еще спина. Затекли руки. В горле першит.

Открываю глаза – внутренности фургона. Я валяюсь на подрагивающем полу – значит, мы пока куда-то едем. Рядом лежит Ирвин, но он еще спит. По пятнистому хвосту понимаю, что здесь кто-то из близнецов. Больше обзора ни на что не хватает.

Мои руки сзади стянуты наручниками – не пошевелиться.

Чертов Отлов, как же я его ненавижу. На глазах от бесилия выступают слезы, но я стараюсь их сдерживать – не сейчас. Ловцы не должны их увидеть, ни за что. Даже, когда они убьют Ирвина. Ведь он относится к категории «опасные».

Вдруг меня посещает другая мысль. Странно. Почему его все еще не застрелили? Хэлла и Криса убили на месте. Почему же тогда Ирвин жив?

Я смотрю на парня и понимаю, что не готова увидеть, как в него засадят всю обойму. Мы три года провели бок о бок. Мы семья.

Поворачиваюсь на другой бок, чтобы осмотреться, и утыкаюсь взглядом в черные военные ботинки.

– Проснулась, – усмехается Ловец. И я с ужасом узнаю его. Это тот, молодой, который увозил Химю. – Ну что, добегалась?

Я молча смотрю снизу вверх на него.

– А надо было думать, – с сожалением произносит парень. Теперь, когда я вижу его в хорошем освещении, не могу дать ему больше двадцати лет. – Ты же понимаешь, что вас заметили жители? И тебя, и ваш костер.

Я рычу на него, потому что по-другому всю злобу и ненависть показать просто не могу.

– Ну, не горячись. Тебе помочь сесть?

Шумно выдыхаю, и снова отворачиваюсь. Лучше буду смотреть на Ирвина, его лицо меня хотя бы не бесит.

– Как думаешь, почему мы его не убили? – не понимает Ловец.

Но я не успеваю ответить, потому что вдруг меня кидает на стену, потом переворачивает в воздухе, и вновь я бьюсь обо что-то или кого-то. Ловец кричит, он тоже не смог удержаться на своей лавке. Зажмуриваюсь, зная, что сейчас последует еще один удар. И меня снова подкидывает вверх. Глухой стук о крышу фургона. И опять об пол.

Очень боюсь, что сломала руку от последнего удара, но проверить не могу, наручники все еще сковывают мои движения. Опасаюсь двигаться, вдруг машина перевернется еще раз. Но когда через минуту ничего не происходит, начинаю шевелиться.

Кое-как привстаю и вижу, что Ловец лежит, прислонившись к стене грузовика, а из головы у него идет кровь.

– Нас не вытащат, открой наручники, я позову на помощь, – прощу я мужчину, скорчившегося от боли. Тот едва заметно мотает головой.

– Нельзя уходить, – шепчет он.

– Открой. Если останемся здесь – все умрем, – подползаю

к нему и подставляю руки.

Он сдаётся. Окровавленными пальцами лезет в карман и достаёт ключи. Щелчок.

Я свободна. Самое время убежать, но остальные ребята, я не могу их бросить.

– Давай ключи, – тяну руку, чтобы освободить хотя бы Ирвина, который постанывает где-то в углу.

– Иди за помощью, – кашляет Ловец, его слюна окрашивается в багряный и пузырится розовой пеной на губах.

– Ключи или ты здесь умрешь! – я встаю, пошатываясь, это либо действие снотворного не закончилось, либо меня хорошо приложило головой во время полета по кузову.

Он бросает в меня ключами.

– Подавись, – злобно бормочет Ловец, но потом, словно, спохватывается. – Только вернись, пожалуйста.

Он уже все равно не жилец, как и водитель, который давно бы пришел, если бы мог ходить.

Я быстро отпираю наручники у Ирвина и остальных ребят. Только Ирмы я здесь не вижу. Неужели ей удалось сбегать?

– Мика, – тормошу я тринадцатилетнюю девочку. – А что с Ирмой? Где она?

– Она бросилась в реку, хотела переплыть, но... – сонное выражение лица сменилось гримасой боли. – В нее уже попали. Она уснула, когда только вошла в воду.

– Ясно, – выдыхаю я. Ирмы среди нас больше нет.

Слишком много смертей на сегодня. Хватит.

Стараюсь отгородиться от образов Ирмы, Хелла и Криса. Они мертвы. Им больше ничем нельзя помочь. Точка. Плачу потом, когда мы выберемся отсюда.

К моменту, как мной освобождена вся стая, Ловец уже не дышит. Жаль, я бы действительно могла прикинуться обычной девочкой и позвать кого-нибудь на помощь.

– Уходим, быстро, – командую я, собирая все силы в кулак.

Меня за рукав хватает Ирвин и недовольно смотрит.

– Что-то случилось? – спрашиваю я.

– Ты перетягиваешь одеяло, – шепчет он мне. – Не забывай, кто тебе помог выжить.

Я могла бы ему возразить, но Ирвин прав. Как минимум он просто сильнее меня. Вожаком должен быть самый сильный. Так что я согласно киваю на его замечание.

Наверное, раньше двери были заперты с внешней стороны, но когда грузовик перевернулся, они деформировались и открылись. При аварии мы все отделались разве что синяками, ссадинами и испугом. Повезло, что кости крепче, чем у обычных людей.

Я бросаю взгляд на мертвого Ловца, на всякий случай подхожу ближе и прижимаю два пальца к вене на шее. Нет даже слабых толчков. Действительно мертв.

Выпрыгиваю в снег самой последней.

По какой-то причине машину занесло на дороге. Перевернутый грузовик лежит на обочине. Передняя его часть страшно смята от удара о дерево.

Я заглядываю в кабину водителя и отхожу. Второй мужчина тоже мертв.

Мы у шоссе, проложенном через темный лес. Ночь еще не закончилась, так что мимо проезжает за десять минут всего две машины с усталыми водителями.

– И что нам теперь делать? – выдыхает Мика, взяв своего брата за руку. Тот пытается вырваться, но девочка сильно сжимает пальцы, и Колин тихо пищит. Его хвост обиженно толкает сестру в плечо.

– Без понятия, – отвечаю я и смотрю на Ирвина. Пусть сам решает, как выживать нашей стае дальше, он ведь вожак.

– Мэл, иди лови попутку. Всем остальным хвосты спрятать, Бьянку замотать шарфом до глаз. Мы группа из приюта, автобус на проселочной дороге попал в аварию. Надо добраться до дома.

Я киваю, хотя план явно провисает. Куда нам ехать? Нужно название приюта. И если нас раскроют, это будет не слишком приятно.

Встаю на обочине и выставляю палец. Редкие машины

проезжают мимо на огромной скорости, никто не тормозит. Я начинаю замерзать на ветру.

В конце концов останавливается одна небольшая машинка.

– Ты откуда здесь такая красивая? – скалится в окно мужик. – Замерзла? Могу подвести.

– У нас автобус в лесу на дороге заглох. Мы со школьной экскурсии возвращались. Нас тут пятеро всего, довезете до города?

Мужик хмурится, оглядывает меня с ног до головы, начиная что-то подозревать.

– Пусть все покажутся, тогда я решу.

– Ребята, выходите, – зову я их.

Первым на дорогу взбирается Ирвин. Хвост он тщательно убрал под куртку, даже не придтаться, хотя, зная, что он у него есть, я все равно могу по очертаниям заметить, как тот шевелится от нетерпения. Бьянку замотали до глаз – девочка теперь почему-то напоминает мне снеговичка. Виктору тоже пришлось завязать шарф чуть ли не до бровей, чтобы скрыть свой клюв. У близняшек хвостики подобраны под пуховики.

Взгляд у водителя суровый. Сейчас как возьмет, вызовет полицию и конец.

– Не верю я вашим рассказням, – говорит он, изучая меня и Ирвина. – Надеюсь, что вы не убийцы и маньяки.

– Мы дети, которые застряли в этом холодном лесу ночью, – и это чистая правда.

– Окей. Помрете ведь. На моей совести будет. Вам куда-то конкретно? – сдается мужик, похотливый взгляд, которым он вначале окинул меня, тухнет. Теперь этот трудяга, неизвестно что делающий ночью в лесу, даже не вызывает сильного отвращения.

– Да просто до города докиньте, мы в кафешке отогреемся, а там по домам, – улыбается в тридцать два зуба Ирвин.

На заднее сидение плюхается Ирвин, взяв на руки Бьянку, затем забирается Виктор и близнецы. Мне место остается только рядом с водителем впереди.

Машина плавно трогается. Мужчина постоянно косится в зеркало заднего вида на ребят, а я отворачиваюсь к окну, разглядывая проносящиеся мимо деревья. Поверить не мо-

гу, что Ирмы больше с нами нет. Я опять заставляю засунуть все страдания и скорбь в самый дальний уголок мозга. И обещаю себе, что поплачу, когда выдастся спокойный денек и можно будет хоть немного расслабиться.

– Да подвинься ты, – шипит Мика Колину. – Ирвин, он мне локтем в бок тычит.

– Сама чего пихаешься, мне тесно, – вторит ей Колин.

Зачем Ирвин допустил, чтобы они сели рядом? Ирма, которая всегда отвечала за этих двоих, не допустила бы такого.

– Немедленно прекратите, – рявкает парень на близнецов.

Те надуваются и отворачиваются друг от друга. Водитель вновь бросает взгляд назад и вдруг резко тормозит. Я едва успеваю выставить вперед руки, чтобы не расшибить лоб о переднюю панель.

– Химеры! – кричит мужик, указывая на нас. Пропали...

Мика и Колин виновато прячут воюющие хвосты под одежду.

Ирвин вдруг стаскивает перчатку и приставляет когти-

стую руку к горлу водителя.

– Пикнешь еще раз, и я порву тебе глотку, – ласково шепчет он водителю на ухо. – Мэл, следи, чтобы руки у него были только на руле. Поехали. Поехали же! Доберемся без происшествий, и мы тебя отпустим.

3 глава. Пристанище

У окраины города Ирвин заставляет водителя остановиться. Здесь уже начинают попадаться пятиэтажки, но за нашими спинами еще стоит неприветливый темный лес. А слева от дороги в двадцати минутах за полем находятся чьи-то дачи.

Мы собираемся отправиться именно туда, но сначала надо как-то разобраться с водителем.

Как только мы уйдем, он обязательно, даже не задумываясь, вызовет Отлов.

– Мэл, бери ребят и уходите. Я подожду, пока вы скрое-тесь из вида, чтобы он не смог вас отследить.

Ирвин сильно рискует, оставаясь один на один с женщиной, но у нас просто нет выбора.

Проверив, что все дети полностью спрятали свои отличия от обычных людей, я вывожу их на улицу, и мы быстрым шагом идем сначала к пятиэтажкам, чтобы сбить водителя со следа. Пусть он думает, что мы задержимся именно там.

Затем делаем небольшой круг, чтобы снова вернуться к лесу и по протоптанной, какими-то любителями зимней природы, тропинке, бежим со всех ног к деревеньке.

У самой кромки леса замираем и присаживаемся у обочины дороги. Пока темно, нас не будет видно, и тут мы спокойнождемся Ирвина.

Парень появляется довольно скоро. И я успеваю отметить на его рукаве свежее багровое пятно.

– Я с ним разобрался, – говорит мальчишка холодно.

– Это твоя кровь? – спрашиваю его на ухо, чтобы не беспокоить ребят страшными подозрениями.

Ирвин качает головой.

– Ты не мог... – шепчу только одними губами.

– Мэл, он бы нас выдал. Ловцы запросто прочешут всю местность. Потом найдут разбитый фургон и припишут это все нам. Ты хочешь умирать? Я что-то не очень. Идем.

Я хватаю парня за рукав.

– Так нельзя, Ирвин. Химерам никогда не сравняться с людьми, если будем убивать каждого, кто узнает, куда мы направились, – рычу ему на ухо.

Ирвин выдергивает руку.

– Ты невероятно глупа, – огрызается он и широкими шагами двигается к деревне.

Почти все жилища пустуют. Ирвин перепрыгивает через чей-то забор, подбирается к дому и отпирает нехитрый замок, затем машет нам.

Я пытаюсь себя убедить, что это не так страшно. Мы просто поспим тут до следующей ночи, а потом опять пойдем искать что-то, что мы сможем назвать домом хотя бы на несколько недель.

В доме сыро, но чисто. А еще очень холодно, но камин разжигать нельзя. Электричество здесь тоже, конечно отключено, скорее всего, до лета, когда радостные хозяева придут отдыхать сюда в свой отпуск.

Я бы все отдала, чтобы иметь обычную людскую жизнь, а не бояться, что нас схватят, заставят до изнеможения работать, а кого-то просто убьют.

– Я устала и хочу кушать, – ноет Бьянка. Сегодня она молодец, держалась весь день.

В рюкзаках находится не так уж и много припасов, но на легкий ужин хватает.

Мы стараемся сильно не шуметь и передвигаться в темноте, чтобы соседи, которые еще остались в деревне, не заметили нашего присутствия.

Ложимся спать на втором этаже, забравшись все вместе под одно одеяло. Из-за дикого холода в доме, приходится даже не снимать куртки, чтобы не замерзнуть.

Я еще некоторое время лежу, слушая сопящее дыхание остальных ребят.

– У нас странная семья, правда? – усмехается Ирвин, он знает, что я не сплю.

– До невозможности, – сухо соглашаюсь я. Все еще не могу простить ему убийство водителя. Наверное, поэтому парня относят к той страшной категории химер, которых старательно отстреливают.

Как могла бы сложиться моя жизнь, если бы родители согласились на операцию? Я знаю, им всем это предлагают еще до рождения ребенка. Купировать хвост, если имеется, отрезать крылья, сделать операцию на ушах. И никто бы никогда не узнал, что в моей ДНК кроется что-то чуждое человеку.

– Мэл, слушай, – вдруг начинает Ирвин. Он больше не злится. И, судя по голосу, вообще миролюбиво настроен.

– М? – откликаюсь все еще раздраженно.

Мы лежим с ним по разным краям кровати, как самые старшие, чтобы в случае опасности защищать свою стаю.

– Ты не представляешь, как мне было сложно решиться. Я не хотел, искал какой-то другой путь. Он сам дернулся, чтобы схватить с полочки телефон, напоролся. Мне не хочется тебе врать, и еще больше мне не хочется, чтобы ты считала меня монстром.

– Забыли, – только и могу выдохнуть, представляя всю картину несчастного случая. Очень надеюсь, что это правда, и Ирвин виноват только косвенно. Хотя для Ловцов это не будет иметь никакого значения. – Спокойной ночи, Ирвин.

– Спокойно ночи, Мэл.

– Да поцелуйтесь вы уже, – хихикает Мика.

Меня даже передергивает.

– Мика, спи, – требую я, но улыбаюсь. Эта девочка умеет разрядить обстановку.

К ее сожалению, мы с вожаком не испытываем друг к другу никаких чувств кроме братских. Он спас мне жизнь, и я очень благодарна Ирвину, но не влюблена в него. И Мике это давным-давно известно.

– Да ну вас, – фыркает девочка и, перевернувшись на другой бок засыпает.

– А-а-а! – меня будит визг женщины.

Подскакиваю на кровати, понимая, что мы попались. Неужели я так сильно провалилась в сон, что не услышала хлопнувшей двери?

Глаза жжет от яркого света, пытаюсь сориентироваться.

Дети вскакивают вместе с Ирвином с кровати, испуганно жмутся к парню.

– Эдгар, тут химеры! – кричит хозяйка дома.

– В окно, срочно! – рывкает Ирвин, выбивая плечом стекло. Он вываливается со второго этажа в сугроб и благополучно поднимается на ноги.

За парнем прыгает с визгом Мика, тот ловит ее. Дальше бесстрашно выпрыгивает Колин, за ним Виктор. Бьянка жметя у окна.

– Прыгай! – я выталкиваю ее и собираюсь броситься следом.

Но не успеваю...

– Двинешься, и выстрелю, – предупреждает мужик, заходящий в комнату с ружьем.

– Ирвин, бегите! – мой голос от страха срывается на хрип.

Медленно поворачиваюсь к хозяевам дома.

– Простите, пожалуйста, что забрались к вам... – начинаю я.

– Молчать, воровка, я сейчас сдам и тебя, и твоих дружков Отлову. Вы все у меня попляшите, воры, – лысина на

голове у него так и сверкает от включенной лампы. Мужик крупными пальцами пытается попасть по маленьким буквам на экране. – Да что б вас, тупые мобильники.

– Мы ничего не украли, – я снова пытаюсь завязать диалог, иногда это действительно помогает. – Просто переночевали в вашем доме. У вас дверь была не закрыта. И мы вошли, но ничего не трогали.

– На, говори с ними, а то я эту тварь упусти, – мужик передает телефон истеричной особе и на мгновение отворачивается от меня.

Мне этого мгновения хватает, чтобы сделать прыжок в окно. К сожалению, не слишком удачный прыжок. Наверное, я ломаю ногу, потому что та при столкновении с землей начинает нестерпимо болеть. А говорят, что у нас кости крепче, врут, похоже.

На глазах выступают слезы, но я не могу их себе сейчас позволить. Надо как-то уходить. Наверху уже разоряются хозяева. Мужик вот-вот меня застрелит.

– Не смей, тебя посадят, ты же не Ловец! – останавливает его женщина, наваливаясь на ружье всем весом и тем самым спасая мне жизнь.

Ирвина с ребятами не видно, они убежали. Это хорошо. Значит, вновь схватят только меня.

Поднимаюсь и пытаюсь идти, но ногу будто опалает огнем.

Года три назад, когда я только-только сбежала из приюта, развела небольшой костерок в какой-то подворотне. Мне было настолько холодно, что я пыталась придвинуться как можно ближе к огню и тянула к нему руки в варежках. Огненный язычок лизнул варежку, и та тут же занялась пламенем. Руки мне тогда знатно подпалило. Благо, на нас все быстро заживает, и от сильного ожога через месяц ничего не осталось.

Вот и сейчас у меня такое чувство, что ногу просто подожгли, но не снаружи, а изнутри.

Моих сил хватает, чтобы выбраться за участок на дорогу, а затем я падаю прямо перед женщиной на лыжах.

– Девушка, что с вами? – доносится до меня ее голос, но из-за боли я практически теряю сознание. С трудом балансирую между темнотой и реальностью. – Алан, занеси ее в дом, сейчас же.

– Мам, ты посмотри на ее уши, она же химера, – выдыхает какой-то паренек. У меня перед глазами темнота, я могу только слушать.

– Ты лучше посмотри на ее ногу, она сломана. Заноси немедленно.

Меня поднимают в воздух, куда-то несут. А затем становится тепло. Мягкое кресло и легкие хлопки по щекам. Укол иглой в ногу. Дергаюсь от неожиданности. Боль начинает стихать.

– Пришла в себя? – женское добродушное лицо в ореоле золотистых волос появляется прямо у меня перед глазами.

С улицы доносятся чьи-то недовольные крики.

– Я попрошу вас уйти, это наша территория, или я вызову полицию!

– Вы скрываете у себя воровку!

– Уходите немедленно!

Женщина протягивает мне чашку с чаем и ждет, пока я

заговорю. Но мне страшно. Она по какой-то причине привела меня к себе в дом, пытается напоить чаем и вколола мне обезболивающие. С химерами так не поступают. Их сдают в приюты и истязают работами, или убивают на месте. Еще есть маленькая доля тех, кто продолжает ставить на нас опыты. И я, если честно, даже не знаю, что хуже.

– Меня можешь звать Анжелой. А как твое имя? Ты умеешь разговаривать? – женщина мягко улыбается, не показывая зубы. Она знает? Знает, что зубы могут обозначать у нас агрессию?

– Мэлоди. Мэл, – отрывисто бросаю я, сжимаясь в кресле. – Не сдавайте меня, пожалуйста, Ловцам. Я ничего не сделала. Ничего не украла. Можно я пойду?

Пытаюсь подняться с кресла, но женщина надавливает мне на плечи, заставляя сесть обратно.

– Мэлоди, успокойся, – просит она. – Я тебя ни в чем не обвиняю. И сдавать никому не собираюсь. И идти ты не можешь, к сожалению. Необходимо наложить гипс на ногу.

– Она через два дня будет уже в норме, – бурчу ей в ответ. Я не привыкла доверять людям. И не верю, что кто-нибудь может захотеть мне помочь. Это какая-то ловушка.

С улицы приходит парень, внешне – мой ровесник. А еще я невольно замечаю, что он красив. Правильные черты лица, светлые волосы. Этому мальчишке явно повезло с внешностью.

– Лови, твоя шапка, спрячь вторые уши, – он ведет себя так, словно не раз видел химер. Шапка летит мне прямо в руки, и я спешно ее натягиваю. А затем парень обращается к матери. – Она же уходит?

Он даже не смотрит на меня. Пренебрежение. И моя симпатия разбивается об него на маленькие осколки.

– Алан, у нее сломана нога.

– И что ты предлагаешь, мам? Оставить ее? Взять домой?

Анжела старательно игнорирует его нападки, а затем обращается ко мне.

– Мы можем отвезти тебя в больницу. Если останешься в шапке, никто не заметит, что ты химера. А потом до выздоровления поживешь в этом доме, или в нашей квартире в городе. Согласна?

– Почему вы мне помогаете? – удивляюсь я и стараюсь не смотреть на Алана, испепеляющего меня взглядом.

– Боже, – вскидывает парень руки вверх. – Да какая тебе, к черту, разница? Ма, дай ей просто контакты перевозчиков и сама пусть выкручивается.

Я вопросительно смотрю на женщину, и той приходится все объяснить.

– Они собирают таких, как вы, и отвозят нелегально в соседние страны.

– Вы должны дать мне их адрес или что-то типа того! – требую я. Вот он! Наш шанс!

Стоп. Ребята. Сначала я должна найти свою стаю.

– Вот, молодец, ты не такая уж и дура, как показалась изначально, – язвит Алан, но мне все равно, пусть острит. Проблема совершенно в другом.

Когда я смогу ходить, ребята уйдут так далеко, что их запаха уже не останется, мне не удастся их отыскать. Но без них я не имею права уезжать в другую страну.

– Что-то не так? – женщина протягивает мне листок с контактами.

– Моя стая. Еще пятеро ребят, они смогли убежать. Мне надо их найти, чтобы уехать всем вместе, – я говорю это, а сама понимаю, что если женщина окажется Ловцом, то я только что натолкнула ее на след своей семьи.

– Все не так страшно, – говорит врач, накладывая на ногу гипс. – До свадьбы заживет.

И он мне подмигивает! Как это здорово, казаться обычной.

Анжела забирает меня к себе в квартиру, где собирается наблюдать за моим самочувствием. Я искренне не понимаю, зачем ей это нужно, но мои протесты она слушать отказывается.

Вот и получается, что меня принудительно заставляют жить лучшей жизнью.

Если бы не ребята, я, наверное, могла бы остаться дольше, чем на пару дней. Нога ведь заживет быстро.

– Три дня минимум! – заявляет женщина, и мне приходится сдаться. Передвигаться нормально я все равно не могу. И надеюсь, что Ирвин смог увести детей далеко от разъяренных хозяев дома, в котором мы переночевали.

Квартира у Анжелы не большая, но очень уютная. В одной комнате она живет с мужем, в другой Алан, и есть гостиная, где мне стелют на диване.

– Я не знаю, как смогу вас отблагодарить, – признаюсь я женщине, но та отмахивается.

– Глупости. Это моя работа, помогать таким как ты.

Но на другие вопросы она не отвечает.

– Куда это твой отец запропастился, – удивляется Анжела, поглядывая на часы. – Еще утром должен был приехать. Звоню на мобильный, а он не отвечает.

– Да мало ли, опять на работу вызвали, а он там частенько бывает недоступен, – Алан берет со стола свою порцию еды и уходит в комнату. – Я у себя поем.

Анжеле явно не нравится такое поведение сына, но она делает вид, что все нормально.

А затем раздаётся звонок домашнего телефона.

Я остаюсь на кухне пить чай, а женщина поднимает трубку и уходит в дальнюю комнату. Любопытство берет верх, и я напрягаю слух.

– Да, это мой муж. Что? Нет! Не может быть... – у меня закрадывается нехорошее предчувствие. – Да, я приеду на опознание.

Я вся покрываюсь мурашками, понимая, что водитель, который нас подвез, мог быть именно тем мужчиной.

Анжела заходит в кухню, ее лицо приобрело серый оттенок. Она старается на меня не смотреть, достает из холодильника валерьянку и какает ее в чашку, а потом одним глотком осушает налитое.

Женщина берет телефон, что-то листает в нем, а потом резко протягивает мне. На экране жутко знакомый мужчина.

– Отвечай честно, ты его видела вчера? – голос Анжелы требовательный, совсем непохожий на привычно добрый и ласковый.

Я хочу сжаться в комок, но беру себя в руки и киваю.

– Это мой муж. В полиции сказали, что его убили химеры.

Я не могу поверить, что все повернулось таким боком.

– Это не правда, – говорю, а голос дрожит.

– Ты его убила? Я знаю, что ты все равно не ответишь мне согласиём. Поэтому я даю тебе время, чтобы собраться и уйти, если в его смерти замешана ты, Мэлоди.

Мне стоит невероятных усилий, чтобы посмотреть в лицо Анжеле и произнеси то, что я произношу.

– Ваш муж, он работал в Отлове! Они с напарником схватили нас. Везли куда-то. А потом вдруг что-то произошло. Но я не знаю почему, клянусь! Ваш муж был за рулем. Машину перевернуло несколько раз, а потом она врезалась в дерево. Второй Ловец, который был с нами в кузове тоже погиб. Но это не мы. Я с ребятами просто сбежала оттуда. Анжела, я клянусь, мы не убивали!

Женщина сухо кивает. Я не знаю, поверила она или нет, потому что в дверях кухни появляется Алан.

– Что с папой?

– Алан, он погиб в автомобильной катастрофе, – голос Анжелы дрожит. Она не говорит сыну того, что знает. – Не справился с управлением.

– Он вез химер, да? Хотел передать их переправщикам? – я вижу, как у парня начинают краснеть глаза. Вот-вот польются слезы. Он бросает на меня уничижительный взгляд, отворачивается и уходит широкими шагами из кухни.

И хоть моей вины в этом нет, я чувствую себя ужасно виноватой. Молоденький Ловец ведь просил вернуться. Они хотели нам помочь! Ловец начал мне объяснять, а я просто дура! Поэтому они не убили Ирвина. Он ведь намекал!

Мне хочется биться головой о стену, но я только впиваюсь зубами себе в руку, стараясь как-то заглушить вопли совести в своей голове.

4 глава. Школьница

– Я дала ориентировки на твоих друзей, но вряд ли ребята смогут обнаружить наши волонтеры, – на следующее утро сообщает Анжела.

Ее лицо опухшее, глаза красные. Я слышала, как женщина проплакала всю ночь.

Алан просто старается делать вид, что меня не существует.

Мы сидим на кухне и смотрим новости по телевизору. Рассказ идет о чем-то незначительном, но почему-то очень важном для нашей страны.

– А теперь к срочным новостям, – заявляет дикторша. – Вчера вечером было совершено нападение на граждан нашей страны. По словам пострадавшего, его атаковала группа из шести химер, большинство из которых дети.

На экране появляется знакомый мне водитель с перевязанным горлом.

– Они сказали, что автобус сломался. Попросили подвез-

ти. Никаких отличий я не заметил. Дети и дети. А потом, добравшись до нужного места, со мной один на один остался самый старший. Он полоснул меня по горлу когтями и тут же убежал. Я мог умереть, но успел вовремя оказать себе первую помощь.

Ирвин не убийца!

– А сейчас мы покажем вам портреты этих химер. Обратите внимание на отличительные признаки. Девушка-подросток, рыжие волосы, зеленые глаза, худое телосложение. Парень семнадцати-девятнадцати лет. Родинка на правой щеке, каштановые волосы по плечи, примерный рост метр восемьдесят...

Я чувствую, как холодеют руки. Сейчас Анжела просто выставит меня на улицу. И не станет помогать.

На экране высвечиваются наши автопортреты, но они далеки от реальности. Я вот на себя непохожа совсем.

– Вы едва не убили человека! – Алан злобно бросает взгляд сначала на меня, затем на мать. – Мы должны ее выгнать. Она в розыске!

– Угомонись, – рывкает Анжела на сына. – Мэлоди, на-

сколько правдива информация?

– Я не знаю. Меня не было тогда, когда это произошло, – стараюсь не упоминать имя Ирвина. – Но наш вожак сказал, что мужчина потянулся за телефоном, чтобы вызвать Ловцов, не рассчитал и напоролся на когти.

Женщина кивает, а вот Алан все никак не может успокоиться.

– Да она ведь врет! Ты только посмотри на нее!

– Иди к себе в комнату, – мать отмахивается от сына и прогоняет его.

– Это из-за нее папа погиб! – напоследок бросает парень и уходит.

Тоже встаю, чтобы выйти с кухни.

– Ты остаешься.

Приходится сесть обратно и послушно сложить руки на коленях.

– Я знаю, что поступаю очень глупо. И Алан, конечно, бу-

дет против. Но самый простой способ тебя спрятать – это вывести в люди.

Хмурю брови и пытаюсь понять, что она имеет в виду.

– У меня есть связи. Тебе сделают липовые документы. И моя хорошая подруга директор в школе Алана. Ты пойдешь учиться. Пока мы не найдем твоих друзей. И пока не уляжется шумиха вокруг вас всех.

Я чуть со стула не падаю. Как я могу пойти учиться в школу с простыми детьми? А куда я дену свои уши? А что мне делать с когтистыми руками? Да и мои познания в школьных предметах закончились классе на седьмом, когда я сбежала из приюта.

Видимо, Анжела прочитала на моем лице весь спектр эмоций, нахлынувших в одночасье.

– У тебя будет особая программа, я позабочусь. Со всем остальным разберемся по ходу дела.

– Учителя ведь запросто узнают меня по описанию!

– Ты сменишь прическу. А фотопортрет не так уж и похож.

Все зимние каникулы я провела дома у Анжелы и Алана. Нога зажила быстро, но гипс сняли только перед самым походом в школу, чтобы не вызывать подозрений.

Мы жили в центре города, и фотопортреты с моим лицом висели на любом углу. Каждый шаг по людной улице днем заставлял меня покрываться испариной. А вдруг заметят?

О том, что Ирвина и стаю поймали, вестей не было. И это давало надежду на хорошее завершение наших скитаний.

До последнего момента я пыталась отказаться идти в школу. Было действительно страшно.

– Я пойду отдельно от нее, – заявляет Алан утром понедельника, накидывает рюкзак на плечо и выскальзывает за дверь. Та громко хлопает.

– Поторопись, тебе еще нужно найти свой шкафчик, – кричит из кухни Анжела.

Я вглядываюсь в зеркало. На меня смотрит совершенно другая девушка. Светлые блондинистые локоны тщательно уложены и струятся по плечам. Ушки прикрывает берет. Большие зеленые глаза обрамлены густыми пушистыми ресницами. Анжела постаралась на славу. Макияж вышел от-

личный. Кофточка и юбка смотрятся идеально с ботильонами, на которых я училась ходить весь вчерашний день.

В зеркале отражаюсь не я. А совершенно незнакомая Мэлоди Свифт. Трюродная приемная сестра Алана, которая долгое время болела и пропустила большой кусок школьной программы.

До школы подать рукой. Спускаюсь на лифте вниз, и быстрым шагом, какой позволяют мне каблуки, бегу по переходу.

Затеряйся среди учеников. Легко сказать. Они все стекаются к школе, машут друг другу, улыбаются, смеются. И даже порывистый ветер и снег не мешает им веселиться от встречи с друзьями.

Я иду одна.

Вот почему Алан отказался проводить меня хотя бы в первый день? Не хотел привлекать внимания? Не знаю.

Чувствую себя очень потерянной, да и мысли, что моей стае придется скрываться по лесам, мерзнуть и голодать, пока я тут прохлаждаюсь, кажутся невыносимыми.

В школе столпотворение не меньше, чем на улице. Все ку-

да-то идут. От потока людей рябит в глазах. Я отшатываюсь к стене и пытаюсь вспомнить, что говорила Анжела, и где я могу найти шкафчик. Их тут целые ряды. Мой должен быть под номером семьдесят семь.

Иду, озираясь по сторонам, но номера расположены очень странно, и мне с трудом удастся найти свой. Самый нижний, так что приходится нагибаться, чтобы взять учебники, которые туда, по просьбе Анжелы, положила директриса. Расписание тоже здесь.

Математика. Невозможно.

Она мне и в шестом классе давалась с трудом. И хоть все каникулы я пыталась как-то нагнать программу, осталось множество пробелов.

В поисках кабинета брожу по школе минут десять, но так и не нахожу нужного класса. Зато вижу вдалеке у питьевого фонтанчика Алана, который вальяжно привалившись к стене, беседует со своими друзьями.

У меня просто не остается другого выбора, как подойти к нему. Ведь звонок вот-вот прозвенит, и я останусь одна посреди пустого коридора.

– Эй, Алан! – машу рукой, на которой позвякивают брас-
летики, участливо одолженные Анжелой.

Его друг пихает мальчишку в бок локтем и кивает в мою
сторону.

– Кузина, – отмахивается парень. Он говорит тихо, но я
прекрасно слышу даже через половину коридора.

– А она ничего, – усмехается друг.

– Отвали, Грей.

Я подхожу ближе и встречаю на себе испепеляющий
взгляд Ала.

– Чего тебе, Оди? – бросает он. Сначала не понимаю, к
кому обращается парень, но потом вспоминаю, что теперь я
Оди, а не Мэл.

– Ты не подскажешь, где кабинет триста двадцать третий?
У меня математика, а я тут совсем не ориентируюсь, – пы-
таюсь изо всех сил улыбнуться, чтобы показаться непринуж-
денной, но на самом деле мне ужасно страшно. Я в стане вра-
га. Любой из этих подростков может понять, кто я, и вызвать
Отлов.

– Это здесь. У меня тоже математика. Мы с тобой в одном классе, – он указывает на дверь аудитории, затем отводит в сторону и шипит на ухо. – Больше не подходи ко мне. Разбейся со своими проблемами сама.

– Окей, – соглашаюсь и захожу внутрь. Здесь уже почти все расселись по своим местам, а я стою у двери, не зная, что делать.

– Эй, ты новенькая? – окликает меня кудрявая темноволосяя девушка со второй парты. Киваю. – Можешь сесть рядом со мной.

Благодарно улыбаюсь и уже направляюсь к свободному месту, но меня зовет другая ученица. Идеальная прическа, модная одежда и взгляд хищника.

– Новенькая, сядешь с ней и навеки останешься с клеймом неудачницы.

Черт подери, почему это так сложно?

Но я знаю правила выживания. И мне лучше подружиться с альфой этого места, чем навсегда остаться с бетами и омегами.

– Минди, сядь назад, – приказывает девушка своей подруге. Та удивленно смотрит на нее. – Ты оглохла?

Подруга подсакивает с места, хватает свои вещи и пересаживается на заднюю парту.

– Садись. Меня зовут Кира, – девушка указывает на освободившееся место.

– Прости, – одними губами шепчу кудрявой девочке, та только пожимает плечами и отворачивается.

Я опускаюсь на стул и вытаскиваю тетрадь и ручку. Надо быть готовой, когда в класс войдет преподаватель. Пусть хоть первое впечатление не будет совсем испорчено.

– Если хочешь, могу помочь тебе влиться в школьную жизнь, – предлагает Кира. Но в ее словах есть какой-то скрытый смысл. Она что-то хочет от меня? С чего бы ей вообще мне помогать. Я ведь чувствую себя полной неудачницей, и выгляжу, скорее всего, соответственно.

– Я Мэл...оди. Оди, – исправляюсь не слишком удачно, будто у меня заикание. – И спасибо за поддержку.

В класс вальяжной походкой входит Алан и его два друга. Парень полностью игнорирует мое существование, даже не взглянул в эту сторону. Ясно. От него действительно не получить помощи.

Как так вышло, что у такой женщины, как Анжела, сын Алан? Он ведь, судя по перешептываниям девушек в классе, местная звезда.

– О, а это Алан, в него влюблена половина школы, а другая половина ненавидит, потому что он их отверг, – сообщает мне Кира.

– А ты к какой половине относишься?

– Я отношусь к той маленькой группке, которой просто плевать на этого типа.

Так я и поверила. Мой чуткий слух позволяет уловить нотки вранья в голосе, а также учатившийся пульс.

Уроки проходят быстро. Я стараюсь сильно не высываться, чтобы не вызывать ненужных расспросов и подозрений. Кира действительно помогает мне вникать в школьную жизнь. На обеде мы даже сидим вместе за одним столом. Здесь еще ее подруги, ловящие каждое мое слово.

– Откуда ты? – допытывается девушка. – Когда переехала?

Я вру про соседний город, и ужасное происшествие с семьей.

– ...именно поэтому здесь меня приютила дальняя родственница.

Оставшиеся два урока проходят так же непринужденно. Минди, которую Кира прогнала, старается держаться недалеко от нас, но заговорить не пытается, и Киру, это, похоже, устраивает.

– Почему ты не разговариваешь с Минди? – спрашиваю я уже после школы, когда мы небольшой компанией стоим у ворот.

Кира закуривает сигарету и улыбается, бросив взгляд на подругу.

– Она провинилась.

Становится холодно, так что запахиваю поплотнее пальто и прощаюсь с девушками.

– Пока, до завтра, – машу я рукой им. Те грациозно машут

мне вслед.

– Как прошел первый день? – когда я возвращаюсь домой, допытывается Анжела. – Тебя никто не узнал?

– Все было просто отлично! – отвечаю я и бегу переодеться в гостиную, пока не вернулся Алан, заносчивый мальчишка.

Я очень рада, что его помощь больше действительно не понадобится. Теперь у меня есть друзья, которые помогут продержаться в школе столько, сколько требуется.

– Думала, ты будешь умолять меня забрать тебя из этого ада, – Анжела стоит в дверях и улыбается. – Уже была готова к истерикам и просьбе просто прятаться дома.

– Школа отличная. У меня появились друзья! – сообщаю я.

Алан приходит домой под вечер. У него разбита губа, на щеке ссадина.

– Что случилось? – спрашивает Анжела, но парень только отмахивается от нее и уходит к себе в комнату, да так весь

вечер и остается там.

Я стараюсь сделать вид, что мне все равно и занимаюсь уроками.

– Подрался с парнями, что не так?! – доносится его возмущенный голос из-за двери, когда к парню входит мать.

Утром я радостно собираюсь снова в школу. Новый наряд, красивая прическа, на голову берет, чтобы скрыть ушки. Человек. Обычный. Настоящий! Не монстр, которого так бояться!

«Остановись, Мэл!» – кричу я мысленно сама на себя. – «Твоя стая пропала. Их могут поймать и убить, а ты крутишься перед зеркалом. Радуетесь, что обычный человек! Ирвин бы настучал тебе по голове просто за такие мысли!»

«Но, что если их уже давно всех поймали? И убили? Или разослали по приютам? У меня никого не осталось. А здесь тепло, кормят и появились друзья!» – вторая часть меня, которая всегда хотела нормальной жизни, а не бродяжничества по заброшенным домам, сегодня взяла верх. – «К тому же ты просто выполняешь приказ Анжелы, а она хочет тебе и твоей стае помочь».

У школы меня встречает Кира и ее три подруги. Имена их я помню смутно. Темненькую вроде зовут Алей. Имена двух других просто вылетели у меня из головы. Минди сегодня в их компании не видно.

– Привет, Оди, – растягивая слова, здоровается Кира. – Красивая помада.

– Спасибо, – искренне улыбаюсь.

– Мы должны сфотографироваться, сейчас же! – Кира обхватывает меня за плечо и выставляет руку с мобильником. На экране отображаемся мы. Щелчок. Снимок сделан. – Сейчас пост в сеть скину.

Она что-то быстро набирает пальчиками на экране, а потом поворачивается с вопросом ко мне.

– Какой у тебя ник, я отмечу?

Я слышала, что у нормальных людей есть социальные сети, но сама никогда ими не пользовалась, поэтому вопрос застигает меня врасплох.

– А, я не веду страничку, – отмахиваюсь, стараясь казать-

ся равнодушной, но ноги немного подкашиваются. Они ведь запросто могут узнать. Только химеры не пользуются гаджетами.

– Да ладно? Ты из этих, что ли? – она закатывает глаза. Я не понимаю, что имеется в виду, но киваю.

– Фи, скучно. Вы странные. Это давно не в тренде, – бросается девушка непонятным мне словом.

Ее подруги поддакивают в ответ, а потом отвлекаются на приближающуюся фигуру.

– Привет, Алан, – выдыхают они хором, когда парень проходит мимо. Он даже не смотрит в нашу сторону.

– Зазнайка, – бросает Кира недовольно. – Мог бы хоть иногда смотреть по сторонам. Хотя, может, он этот...

И снова «эти». Это те же «эти», с которыми связала меня девушка, или другие?

Мы заходим в школу, и я просто теряю дар речи. Впереди у шкафчиков стоит девушка с кошачьими ушками на голове. Не может быть! Ее бы сразу отправили в приют. По закону, если недуг бросается в глаза, то она не имеет права нахо-

даться среди нормальных людей.

Я оставляю свою компанию и спешу к девушке. Хватаю ее за руку.

– Эй! Ты такая же? – я во все глаза смотрю на нее, но девушка не понимает моего вопроса.

Я указываю на ее уши.

– А! – улыбается она. – Ты об этом. Вступай в наш клуб по защите химер. Держи!

И она протягивает мне ободок, на который крепятся ушки. Фальшивка. Я чуть было не призналась ей, что химера.

Убираю протянутый ободок в сумку, придумывая отличный план. Не вечно же мне ходить с беретом.

– Оди, ты зачем разговариваешь с этой вшивой? Она же с химерами якшается, – Кира подхватывает меня под локоть и утаскивает подальше от девушки с фальшивыми ушками.

Я вырываю руку.

– Ты что-то имеешь против химер?

Кира удивленно смотрит на меня, но тут же берет себя в руки.

– Конечно. Они же отвратительны. А ты, новенькая, считаешь, что вонючие химеры эталон красоты?

Я мгновенно закипаю. Куда подевался тот холодный ум, который позволил мне спрятаться и не спасать Химю, что увел Отлов? Почему сейчас я не могу держать язык за зубами.

– Они ведь тоже люди, – отвечаю ей не так смело, как хотела. Голос дрожит. Я почему-то побаиваюсь эту девушку.

– Они звери, – фыркает она. – Ты хоть одного видела вблизи? Они напали на моего отца. Едва горло ему не перерезали.

Я отступаю на шаг назад. Сердце начинает биться сильнее. В горле пересыхает. Я общаюсь с дочерью человека, который заявил на меня в полицию. Ее отец знает, как я выгляжу!

– Что? Нечего сказать?

– Мои родители погибли из-за химер, – выдавливаю я, ста-

раясь врать правдоподобно. Хотя, если честно, я всегда ви-
вила себя в их смерти. Это был комплекс выжившего, и мне
не удалось его побороть.

– Я не знала, – бурчит Кира примирительно. – Ладно, да-
вай забудем это.

Я выдыхаю. Не хотелось бы во второй день потерять всех
приобретенных знакомых.

– Но чтобы остаться с нами, – девушка щурит глаза. – Те-
бе нужно будет подойти к Алану и сказать, что он тебе нра-
вится.

– Чего? С какой стати? – я даже рот открываю от возму-
щения. – Он мне не нравится.

Надо как-то избежать этого позора. По нашей легенде,
Алан мой родственник.

– Среди нас не может быть тех, кто боится показаться
смешным. Никого, кто трусит.

– Я не могу ему это сказать, – слова даются с трудом.

Кира усмехается.

– Тогда мы должны сказать тебе «пока», трусиха, – скажется Аля.

– И почему же? – перебивает ее Кира.

– Потому что... потому что мы родственники, – последние слова шепчу.

Кира хлопает глазами.

– Оди, ты серьезно?

Киваю. Это был самый важный козырь, который я могла использовать в этой школе.

– Если это правда, пусть пойдет и обнимет братца, – предлагает одна из двух безымянных подруг.

– Отличный план, Эшли, – кивает ей Кира. – Иди. Вон он стоит.

Алан действительно стоял со своими двумя друзьями и что-то рьяно обсуждал.

Я сглатываю вязкую слюну. Он же предупредил, чтобы я к нему не подходила. Но выбора у меня нет. Надо ему как-

то объяснить.

На ватных ногах я подхожу все ближе и ближе думая, что сказать.

«Алан, мне очень надо тебя обнять, или девчонки, с которыми я подружилась, не будут со мной больше общаться» – как же отвратительно звучит.

Подхожу достаточно близко, чтобы он меня заметил.

– Я ведь сказал тебе не приближаться ко мне в школе.

– Алан, это важно, или у меня будут проблемы, – надо же как-то его заставить обратить на меня внимание.

– Я сейчас, – бросает он своим друзьям.

Мы отходим в дальний угол коридора.

– Что случилось, маме позвонить? Тебя разоблачили? – шепчет он яростно.

– Нет, но мне просто необходимо тебя обнять, – выходит прескверно.

Парень вскидывает брови, а потом начинает злиться.

– Ты совсем дура?

– Пожалуйста, секундное объятие и я больше к тебе не подойду. Иначе Кира меня не примет в их компанию, – складываю руки на груди в молящем жесте.

Алан презрительно фыркает.

– Не советую связываться с Кирой. Потом пожалеешь. А теперь отвали.

Он отодвигает меня в сторону и уходит, но я не привыкла сдаваться, поэтому делаю два больших шага и обнимаю парня за талию. Моя голова утыкается ему в лопатки. Алан оказывается намного выше меня. Испуганно отскакиваю в сторону, понимая, что переступила границы дозволенного, но слишком поздно.

Парень разворачивается.

– Совсем очумела? – он легонько толкает меня в плечо, выходя из себя. – Не смей прикасаться ко мне.

Я на что-то наступаю и поскользываюсь.

Нога едет вперед, а тело назад. Через секунду я уже лежу на школьном полу. От удара болит спина и голова.

– Черт! – он опускается на колени, что-то лихорадочно поднимая с пола, и тут же натягивая это мне на голову по самым человеческим ушам. И я понимаю, что берет при падении свалился. – Я не думал, что ты упадешь, Мэлоди, прости.

– Они не должны были увидеть, если ты беспокоишься об этом, – огрызаюсь я. – Заколола заколками.

Утром лисьих ушек видно не было, мне удалось тщательно спрятать их под волосами. С самого начала было понятно, что полагаться на один только берет нельзя.

Сажусь, потирая ушибленную голову. Растерянность и испуг на лице Алана после моих слов сменяются на раздражение.

– Отлично, – бурчит он, но не отходит, а протягивает руку, помогая встать.

Я его игнорирую, поднимаясь сама.

– Я не расскажу Анжеле о произошедшем, если ты еще и этого опасешься, – бросаю ему и понимаю, что все ученики,

которые были в коридоре, смотрят на нас с Аланом.

5 глава. Досмотры

– Оди, с тобой все в порядке? – ко мне подбегают Кира и ее подруги.

– Да, все хорошо, – я поправляю берет, чтобы тот нормально смотрелся на голове. На Алана стараюсь даже глаз не поднимать.

И хоть упала я по вине парня, понятно, что в этой заварушке большая вина именно на мне.

– Извини еще раз, – бурчит парень сквозь зубы и уходит.

Я остаюсь со своими подругами.

– Почему он тебя оттолкнул? – интересуется Кира, смотря в спину удаляющемуся парню.

– Мы не слишком ладим, – отмахиваюсь я.

Самое важное, что мне удастся сохранить расположение девушки к себе, и мы остаемся друзьями. Поддержка Киры в школе пока самая важная вещь, которая может быть.

Я старательно пытаюсь слушать учительницу по истории, и даже записываю что-то в тетрадь, хотя понимаю – в школе мне находиться максимум еще несколько месяцев, эти знания вряд ли когда пригодятся, но рассказ о прошлом страны оказывается довольно увлекательным. Мне нравится, как преподает эта женщина. Она рассказывает какие-то уникальные факты, которые сложно было бы достать где-то самой.

Я даже удивляюсь, что в приюте нам ничего подобного и близко не преподавали. Обычно мы открывали учебники и друг за другом читали параграфы. Это было чертовски скучно. Я даже умудрялась засыпать, а потом очень сильно получала за такие вольности.

И вот когда я самозабвенно записываю очередной захватывающий факт, дверь с грохотом распахивается.

– Всем приготовить документы, открыть сумки, вытянуть вперед руки, – мужчина в полицейской форме широким шагом входит в класс, даже не взглянув на учительницу.

Мое сердце начинает биться часто-часто. Что, если они меня разоблачат?

Еще двое полицейских входят в аудитории с приборами в руках.

Я молю бога, чтобы это оказалась старая модель, которая показывает только «опасен» или «неопасен» человек и хи-мера. Многие отряды Ловцов получили уже усовершенствованные версии, где пишется вдобавок процентное соотношение человеческого ДНК к животному, но старые приборы все еще в ходу.

Мужчины проходят по рядам, вытряхивают вещи из сумок детей на парты, тщательно разглядывают содержимое и прислоняют приборы к безымянным пальцам. Девочки испуганно взвизгивают, когда тонкая иголка пробивает кожу, и отдергивают руки, но нужная информация уже получена.

Полицейские методично сменяют одну иголку на другую, сохраняя стерильность инструментов для каждого ученика.

Очередь доходит до моей парты. Короткостриженный мужичок с лицом, похожим на сморщенный гриб и лысым, как моя коленка, затылком, вытряхивает все мои учебники на парту. Блеск для губ со стуком падает куда-то на пол.

– Руку, – требует проверяющий. Я протягиваю подрагивающую ладонь, укол. Прибор пищит, выдавая результат. Горло сжимает спазм страха.

– Чисто, – констатирует полицейский, еще раз всматривается в лицо, проверяет предоставленный паспорт и переходит к Кире.

Делаю глубокий вдох, словно только что вынырнула из воды. Неужели пронесло? Как хорошо, что я не забыла сегодня утром подпилить когти и накрасить их цветным лаком, который предоставила Анжела.

Из сумки Киры вылетает множество косметики, тени падают на пол и разбиваются. Замечаю, как лицо девушки искажается от ужаса, а затем от злобы.

– Я на вас в суд подам! Вы обязаны возместить ущерб! – визжит она, опускаясь на колени, чтобы собрать остатки уцелевшей косметики.

– Встать! – требует мужчина. Но Кира игнорирует его.

– Вы знаете, как тяжело их достать?! – ее голос срывается на всхлипы.

Я понимаю, надо поднять девушку на ноги, иначе это делает полицейский, для Киры может все плохо кончиться.

– Кира, встань, – прошу я, но та игнорирует и меня тоже.

Мужчина хватается девушку и дергает ту вверх.

– Больно! – она пытается вырваться. Все ее руки покрыты разноцветными поблескивающими тенями. – Да как вы смеете!

– Руку и документы! – требует досмотрщик.

Кира злобно протягивает испачканную ладошку, недовольно морщится от укола и исподлобья глядит на полицейского.

– Я сегодня не взяла документы.

– Руки за спину, будем разбираться в участке.

Девушку уводят в наручниках, словно преступницу.

И тут я слышу удивленный возглас одного из досмотрщиков. Тот стоит возле Алана и смотрит на своего командира.

– Опасный, – он демонстрирует красную надпись на маленьком экране. Полицейский еще молодой, и по его виду кажется, будто он извиняется за такой результат.

Я бросаю удивленный взгляд на Алана, но парень стоит спокойно, даже расслабленно.

– Это ошибка, – пожимает он плечами.

Ошибки быть не может. По крайней мере, никогда не было.

Командир хмурит брови и обращает свой взгляд на учительницу, так и замершую с учебником в руках, она даже не поправляет сползшие на кончик носа очки.

– Как давно этот мальчик учится в школе? Он проходил ранние проверки? – голос капитана басистый.

– Алан у нас с самого начала. Все проверки проходил. Документы можно найти в медицинском кабинете, – историчка кивает несколько раз как болванчик. – Он хороший мальчик.

– Проверь еще раз.

Молоденький паренек меняет иглу, и опять колет Алана, но в другую руку.

– Не опасен, – выдыхает досмотрщик, радостно демонстрируя зеленый экран.

Можно ли обмануть прибор? Вдруг Алан действительно химера? Но он выглядит как нормальный человек.

– Как прошел день в школе? – вернувшись вечером с работы, интересуется Анжела.

– У нас был досмотр, – сообщаю я невинно, и продолжаю помешивать макароны.

Анжела меняется в лице. Не снимая пальто, она врывается в комнату Алана.

– Эй! – возмущается тот на вторжение в личное пространство.

– Как прошел твой досмотр?

Я тщательно прислушиваюсь.

– Все окей, – откликается парень.

– Ты мне врешь, я вижу, – Анжела довольно проницательна.

Алан шумно выдыхает.

– На мне был сбой, – говорит он.

Я слышу, с каким ужасом восклицает что-то Анжела, но потом она берет себя в руки и просит рассказать подробнее.

– ... да мам, помнишь, ты говорила, что из-за таблеток от аллергии, которые я пью, может быть такое?

Аллергия? Странно, Алан совсем не похож на аллергика.

– Я просто вчера забыл принять одну, – признается парень. – А сегодня выпил в обед, когда под лопатками зачесалось ужасно, она только действовать начала, вот и сбой от большой дозировки лекарства. Да и когда они второй раз проверили, все уже было нормально.

Анжелу этот ответ, видимо, удовлетворяет, поэтому она спокойно возвращается в коридор, снимает обувь, вешает пальто и приходит ко мне на кухню.

– Через десять минут можно садиться ужинать, – говорю я, переворачивая котлеты.

Готовку я взяла на себя, нельзя же жить у людей дома и полностью зависеть от них. В благодарность за свое спасение стараюсь делать все, что могу, чтобы облегчить жизнь

Анжеле. Мою полы, выношу мусор, готовлю, если успеваю.

– Ты же слышала наш разговор? – устало спрашивает женщина и опускается на табуретку. Киваю. Зачем врать? – Тогда пообещай, что никому не расскажешь про таблетки, которые принимает мой сын.

– Хорошо, а они что, запрещенные?

– Нет, экспериментальные. У Алана с рождения аллергия практически на любую ткань. Мы его с детства разными таблетками пичкали, но все со временем вызывали привыкание и переставали действовать. Я работаю в лаборатории, этого лекарства еще нет в производстве. Оно держится в секрете. Один из побочных эффектов – повышение в крови того вещества, отвечающего за так называемую «опасность» у хи-мер.

– Ладно, я буду молчать, – вдаваться в медицину и разные лекарства не хочется, я накладываю еду и иду к комнате Алана, чтобы позвать того есть.

Стучу в дверь.

– Алан, ужин готов.

– Я не голоден.

Пожимаю плечами и ухожу обратно на кухню.

– Скажите, а что они искали в наших сумках. Досмотрщики. Вряд ли там будет лежать признание, что я химера.

– Может, у кого-то обнаружили наркотики? И решили объединить сразу две цели, – предполагает Анжела, хотя я чувствую, что она врет.

– Пей сейчас же, – Анжела протягивает синюю капсулу Алану. Тот морщится, но берет ее в зубы и запивает стаканом воды. – И не вздумай таскать эти таблетки в школу.

– Какая же дрянь.

– Зато помогает, – отрезает мать и уходит из дома на работу.

Мы с Аланом остаемся одни. До школы еще полчаса, можно спокойно собраться.

– Это правда? – спрашиваю я, пока он завтракает – единственное время, когда парня можно застать вне комнаты. –

Про таблетки. Ты действительно не химера?

– Конечно, я человек, – фыркает он.

После этого мы опять не общаемся.

На улице полно полицейских, но на меня они обращают внимания не больше, чем на других школьников.

У входа в школу на большом расстоянии друг от друга стоят два молоденьких солдата и проверяют всех входящих. И я понимаю, что в руках у них новые приборы. Те, что с процентами. Я знаю, что двадцать пять процентов инородного ДНК тут же припишут мне статус «химера» без разбирательств. И тогда понадобится специальный документ, который будет доказывать – я без внешних отклонений, могу учиться в обычной школе и жить у родителей, а не в приюте.

Детей без видимых изъянов и без отметки «опасные» спокойно оставляли родителям. Ребенок мог и не знать, что он не такой как другие, аж до момента, как он решит завести детей. Дальше там должна идти какая-то процедура по взятию только человеческого ДНК и т.д и т.п, я еще не слишком хорошо в этом просвещена.

Итак, мне надо каким-то чудом избежать этих двух ребят

с опасными приборами.

Вижу впереди Киру, и у меня созревает план.

Прохожу мимо одного полицейского быстрым шагом, тот просто не успевает меня притормозить.

– Эй, Кира! – машу я ей.

– А тебя уже тоже проверили? – спрашивает она, когда мы приближаемся ко второму солдатику.

– Да, только что, – киваю я и улыбаюсь молодому человеку, тот пропускает нас без вопросов и проверок.

Если они действительно хотели поймать химеру, а не напугать, то завели бы всех детей в один класс и выпускали по очереди только после проверки прибором. А тут всего два солдата на огромную школу, да еще и молодые, доверчивые.

Я улыбаюсь – рада тому, что снова обманула систему.

Больше досмотрами нас не тревожат. Не знаю, нашли они то, что искали, или нет. Но полицейских в школе и на улице стало заметно меньше.

Только на следующий день домой пришел полицейский. Мне повезло, я осталась тогда на дополнительные занятия по истории.

У Анжелы сегодня был выходной, поэтому она оказалась дома. Алан тоже только вернулся из школы, и именно в этот момент позвонил сотрудник полиции.

Потом Анжела рассказала, что они спокойно прошли проверку.

– Кто-нибудь, кроме вас, еще проживает? – спросил мужчина.

– Моя племянница. Она еще в школе.

Анжела показала копии моих документов, дала осмотреть комнаты и после того, как мужчину устроило все, проводила его за дверь.

«Не ходи пока домой, тут с новым прибором» – отписался мне Алан. Я мысленно поблагодарила его за смс.

Телефон у меня старенький, допотопный, Анжела достала с какой-то верхней полки шкафа. Но звонки и смс принимает исправно.

6 глава. Подстава

На удивление я очень быстро адаптировалась к школьной жизни. Мне нравится учиться. Вся эта история, искусство и литература, то чего я была лишена все годы, сейчас привлекают меня как никогда.

До этого месяца все, что я умела – это убежать и прятаться. Сейчас я будто стала другим человеком. Оди, которой нравится читать книги, у которой неплохо получается рисовать.

Но больше, чем уроки мне нравятся мои новые подруги. Благодаря Кире я каким-то чудом попала в общество крутых девчонок. И хотя Алан, в те моменты, когда все же решает вдруг со мной заговорить, всячески советует держаться от них подальше, я думаю, что он просто мне завидует.

– Эй, Оди, у меня сегодня предки сваливают. Будет вечеринка. Придешь? – спрашивает Кира, пошушукавшись с остальными девчонками.

Мы выходим за ворота школы и вот-вот должны уже пойти разными путями. Кира встает и закуривает, изучая меня хитрым взглядом. Я бы очень хотела пойти. Вечеринки для меня такое же чудо, как то, что сейчас люди не смотрят в

мою сторону искоса и не хотят упечь обратно в приют.

– Я... Эм... С радостью, конечно.

– Только мама тебя не отпустит, кузина, – проходя мимо, бросает Ал.

Его два дружка заливаются хохотом.

– Эй, а сам-то придешь? – окликает парня Кира. – Ты не ответил на мое сообщение.

Вот почему она зовет меня лично. У меня нет нормально-го телефона, чтобы переписываться в чатах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.